„МОСКВА“ 7, RUE PAUQUET (ок. Etoile). Tél.: Passy 21.25.

Старѣйшій русскій ресторанъ въ Парижѣ. КАКЪ ВСЕГДА — ГОСТЕПРІИМНО И ОБИЛЬНО.
ЗАВТРАКЪ 3 блюда съ виномъ и кофе 16 фр. ОБѢДЪ 4 блюда 18 фр.
Дирекція Борисовъ-Галкинъ.

Въ Кремлѣ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЖУРНАЛИСТА

Въ "Парн Суаръ" продолжаютъ печататься впечатлѣнія Жоржа Удара о его поѣздкѣ въ Москву.

Во времена царей, пишетъ Ударъ, входъ въ Кремль былъ свободенъ, а нынѣ въ Кремль можно войти лишь съ особымъ пропускомъ. Человѣкъ въ военной формѣ, который смотритъ на вашъ пропускъ при входѣ, не ограничивается тѣмъ, что разрѣшаетъ вамъ войти: онъ слѣдуетъ за вами, не произнося при этомъ ни слова. Это не проводникъ, а надсмотрщикъ.

Всюду онъ идетъ за вами и вы не должны идти слишкомъ быстро, дабы не удаляться отъ него. Вмѣстѣ съ нимъ вы проходите по заламъ Оружейной палаты, входите въ церкви Кремля. Вы имѣете право остановиться у перилъ въ томъ мѣстѣ, съ котораго виденъ весь городъ, но вы не имѣете права подняться по знаменитой красной лѣстницѣ, по которой спускались цари и стоя на которой Наполеонъ далъ приказъ эвакуировать Москву.

Но развѣ не довольно того, что вамъ разрѣшается ступать по этимъ сѣрымъ плитамъ, дышать этимъ воздухомъ, наполненнымъ такимъ глубокимъ молчаніемъ?

Кремль — это какъ бы запретная часть столицы. Городъ въ городѣ. Даже Ватиканъ не окутанъ подобной тайной. Никто не осмѣлится показать вамъ на окно комнаты, гдѣ живетъ Сталинъ.

Этотъ городъ безъ голосовъ, почти безъ прохожихъ, похожъ на прекрасный садъ изъ камней. Все здѣсь снаружи кажется такимъ же, какимъ было оно въ теченіе вѣковъ, — вплоть до двуглавыхъ орловъ, красующихся надъ куполами.

Изъ этого мѣста одинъ человѣкъ повелѣваетъ 160 милліонами населенія. Естественно воздухъ вокругъ того мѣста долженъ быть тяжелый.

Воспоминанія Нуланса

Въ "Же сюи парту" напечатанъ послѣдній отрывокъ воспоминаній французскаго посла въ Россіи во время революціи Нуланса.

Описывая дни, предшествовавшіе отъѣзду французскаго посольства изъ Архангельска во Францію, Нулансъ пишетъ:

"Побѣда союзниковъ была торжественно отпразднована въ Архангельскѣ. На большой площади выстроились войска. Присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ. Отъ его имени я произнесъ рѣчь.

Чайковскій и представители различныхъ организацій Сѣвера произнесли затѣмъ рѣчи, хорошо отражающія русскую душу.

Эти люди заявляли, что они представляютъ Учредительное Собраніе, т. е. собраніе, которое въ своемъ единственномъ засѣданіи отказалось, подъ давленіемъ большевиковъ, отъ національныхъ требованій и отъ солидарности съ союзниками; и, тѣмъ не менѣе, они уже ставили вопросъ, будетъ ли Россія представлена на общей мирной конференціи, причемъ выражали надежду, что ихъ страна получитъ территоріальныя и финансовыя выгоды, — словно они до конца были вѣрны своимъ обязательствамъ и до конца сражались за общее дѣло.

Я ограничился отвѣтомъ, что разрѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ фактическаго и юридическаго положенія, въ которомъ окажется правительство, претендующее на право говорить отъ имени русскаго народа. Я добавилъ, что такимъ правительствомъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть правительство большевиковъ, подписавшее брестъ-литовскій договоръ".

„Луизіана“ Рузвельта

Бернардъ Фай, въ своей недавней книгѣ "Рузвельтъ и его Америка" указываетъ на многочисленныя черты сходства между судьбой Рузвельта и судьбой одного изъ давнихъ президентовъ С. Штатовъ, Джефферсона".

Джефферсона выдвинули радикалы, недовольные тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ. Джефферсонъ наобѣщалъ многое; во всякомъ случаѣ, его именемъ наобѣщали другіе.

Оказавшись у власти, Джефферсонъ проникся благоразуміемъ. Но радикальная партія, имѣя передъ глазами примѣръ революціонной Франціи, требовала "авантюръ". Ея энергіи и недовольству нужно было дать какой то выходъ.

Джефферсонъ нашелъ этотъ выходъ: онъ купилъ у Бонапарта французскую Луизіану. Туда, на этотъ новый "материкъ" и хлынулъ избытокъ американской энергіи. Какія же новыя земли найдетъ Рузвельтъ, чтобы дать исходъ бунту выдвинувшихъ его радикаловъ, требующихъ отъ него чудесъ.

— Не будетъ ли Куба — Луизіаной Рузвельта?"

— Муссолини далъ парадный обѣдъ въ честь находящагося въ Римѣ принца Николая румынскаго.

— Альфонсъ XIII выѣхалъ на автомобилѣ изъ Праги въ Франкфуртъ.

— «Графъ Цеппелинъ» вылетѣлъ изъ Пернамбука въ Европу.

Старѣйшій вегетаріанецъ

На дняхъ въ Вѣнѣ общество мѣстныхъ вегетаріанцевъ давало банкетъ въ старѣйшемъ вѣнскомъ вегетаріанскомъ ресторанѣ — "Тализія"" — въ честь старѣйшаго вегетаріанца, вице-директора союза кассировъ, Макса Гроссмана, которому 28 августа исполнилось 80 лѣтъ.

Директоръ Гроссманъ уже 52 года питается растительной пищей. Юбиляръ получилъ телеграммы съ разныхъ концовъ Австріи. На банкетѣ его привѣтствовали рѣчами. Писатель Максъ Гайекъ въ юмористической рѣчи изложилъ "физику и метафизику вегетаріанства".

Рисунки пещерныхъ людей

На Періемъ Носѣ и Бѣсьемъ Носѣ Онежскаго озера случайно обнаружены на каменныхъ плитахъ берега странные рисунки, высѣченные на камнѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи "дѣтскіе" рисунки, значки, лодки, олени и пр. оказались рѣдчайшими скальными рисунками, которые были сдѣланы человѣкомъ въ древнѣйшія времена. Тысячелѣтія выдержали рисунки, сохранивъ свою ясность, но за послѣдніе годы каменныя плиты стали трескаться, и большинство изъ нихъ подъ угрозой: онѣ могутъ сползти въ воду и исчезнуть въ глуби Онежскаго озера.

Разныя извѣстія

— Судъ въ Гдынѣ (Польша) приговорилъ къ смертной казни чиновника морского вѣдомства Іосифа Манота, обвиненнаго въ шпіонажѣ въ пользу Германіи.

— Въ Бильбао (Испанія) проданы съ аукціона четыре яхты, принадлежавшія Альфонсу XIII. За яхты вырручено сорокъ тысячъ пятьсотъ пезетъ.

— Польскій министръ иностранныхъ дѣлъ полковникъ Бекъ имѣлъ длительное совѣщаніе съ германскимъ посланникомъ въ Варшавѣ фонъ Мольтке. Этому совѣщанію придаютъ большое значеніе въ политическихъ кругахъ.

— Генералу Беренгеру, бывшему премьеръ-министромъ при Альфонсѣ XIII приговоренному республиканцами къ постоянному жительству въ Эрнани, нынѣ по его ходатайству разрѣшено поселиться съ семьей въ Сенъ Себастіано.

ВСѢ НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ
найдете въ БИБЛІОТЕКѢ
при газетѣ «ВОЗРОЖДЕНІЕ»
Англійск. и франц. отдѣлы.
2, rue de Sèze, Paris (9)
Абонементъ 8 франковъ.

Информаціонное бюро

Въ Парижѣ образовано Информаціонное бюро, въ задачи котораго входитъ освѣдомленіе иностраннаго общественнаго мнѣнія о продовольственномъ положеніи въ сов. Россіи путемъ выпуска особыхъ бюллетеней (на франц. языкѣ) и другими средствами. Въ составъ бюро вошли лица, принадлежащія къ различнымъ политическимъ теченіямъ въ эмиграціи. Изданіе бюллетеня и веденіе текущей работы возложено на рабочій отдѣлъ при редакціи "Русскаго экономическаго бюллетеня" (91, рю Лекурбъ, Парижъ 15).

Въ первомъ своемъ засѣданіи бюро рѣшило обратиться къ русскимъ, проживающимъ въ различныхъ государствахъ, съ воззваніемъ о созданіи подобныхъ же организацій.

Информаціонное бюро обращается къ русской эмиграціи съ просьбой направлять ему по вышеуказанному адресу всякаго рода матеріалы, характеризующіе хозяйственное и продовольственное положеніе въ сов. Россіи (какъ-то: письма изъ сов. Россіи, статьи и замѣтки въ иностранныхъ газетахъ и проч.).

Нападеніе на полицейскихъ

Во время полицейскаго обхода въ ночь на пятницу на улицахъ Бульвъ сюръ Сэнъ полицейскіе призвали къ порядку какихъ-то ночныхъ гулякъ, производившихъ шумъ на улицахъ Бійанкура.

Пьяные пришли въ ярость и напали на полицейскихъ агентовъ, которыхъ сильно избили.

На помощь полицейскимъ поспѣшилъ другой полицейскій обходъ, причемъ произошелъ настоящій бой. Двухъ безобразниковъ удалось задержать. Трое полицейскихъ агентовъ, а также инспекторъ полиціи Боръ сильно пострадали. Ихъ пришлось доставить въ больницу.

Принцесса Юліана — невѣста

Въ Амстердамѣ распространились слухи, что на-дняхъ будетъ объявлено объ обрученіи принцессы Юліаны съ лицомъ, имя котораго держится пока еще въ секретѣ. Говорятъ, что это англичанинъ.

Принцесса Юліана въ началѣ іюля посѣтила Лондонъ частнымъ образомъ и гостила у кузины своей матери, принцессы Алисы, графини Атлонъ.

Автомобиль въ огнѣ

Въ Эльберсгеймѣ грузовой автомобиль одной страсбургской фирмы, нагруженный большимъ грузомъ говяжьяго жира, а также шерстяными одѣялами и тканями — внезапно загорѣлся.

Загорѣвшійся жиръ расплылся по шоссе и поджогъ стоявшій на дорогѣ домъ.

Преступленіе Віолетты Нозьеръ

(НАЧАЛО СМ. 1-ую СТРАНИЦУ)

Судебный слѣдователь для провѣрки достовѣрности показанія Віолетты Нозьеръ, задаетъ ей рядъ вопросовъ, которые должны показать, что Віолеттѣ извѣстны нѣкоторыя особенности тѣлосложенія отца, которыя не могли бы укрыться отъ женщины.

Віолетта Нозьеръ указываетъ эти подробности.

Это, однако, не убѣждаетъ слѣдователя въ правдивости словъ обвиняемой. Онъ высказываетъ соображеніе, что ея отецъ, какъ машинистъ, по возвращеніи съ работы, переодѣвался въ присутствіи всей своей семьи.

Слѣдователь спрашиваетъ:

— Вы не заявили матери, но быть можетъ вы разсказали объ отношеніяхъ съ отцомъ кому нибудь посторонему?

Віолетта Нозьеръ отвѣчаетъ, что она разсказала объ этомъ двумъ своимъ любовникамъ и называетъ ихъ имена.

Имена эти слѣдователь печати не сообщилъ, очевидно, желая предварительно подвергнуть этихъ лицъ допросу.

Мысль объ отравленіи

Тогда вотъ у Віолетты Нозьеръ по ея словамъ возникла мысль отравить отца.

Она говоритъ о попыткѣ 28 марта 1933 года, когда были подожжены портьеры. Заявляетъ, что она не имѣла намѣренія убить мать. Но отца отравить она собиралась и тогда, покупала крысиный ядъ, но затѣмъ раздумала. Разсказываетъ про 21 августа, т. е. про день преступленія.

На вопросъ слѣдователя, — что она стала бы дѣлать если бы мать приняла порошокъ, предназначенный отцу, т. е. тотъ, который былъ смертеленъ? — Віолетта отвѣчаетъ, что она бы тогда отравила мать.

Послѣ преступленія.

Слѣдователь спрашиваетъ, что она сдѣлала съ деньгами, похищенными у родителей.

— Я ихъ истратила, за исключеніемъ 600 франковъ, которые уничтожила, когда была вызвана комиссаромъ полиціи.

Слѣдователь: — Говорили ли вы вашему любовнику Атлану, что если бы отецъ умеръ, то это бы васъ устроило?

Обвиняемая: — Это неправда.

Конецъ допроса посвященъ выясненію именъ женщинъ, съ которыми поддерживала отношенія Віолетта Нозьеръ. Она заявляетъ, что была по настоящему дружна только съ одной Мадленой Девизъ.

Разсказываетъ о томъ, какъ и гдѣ проводила дни послѣ преступленія.

На этомъ допросъ кончается.

Важное показаніе полицейскаго

Чрезвычайно важное показаніе далъ судебному слѣдователю полицейскій Анри Вервэнъ, спеціализировавшійся на оказаніи первой помощи пострадавшимъ при несчастныхъ случаяхъ.

28 марта въ 2 часа 30 мин. ночи Анри Вервэнъ, вызванный полицейскимъ отдѣломъ скорой помощи на улицу Мадагаскаръ прибылъ черезъ четверть часа на квартиру Нозьеръ.

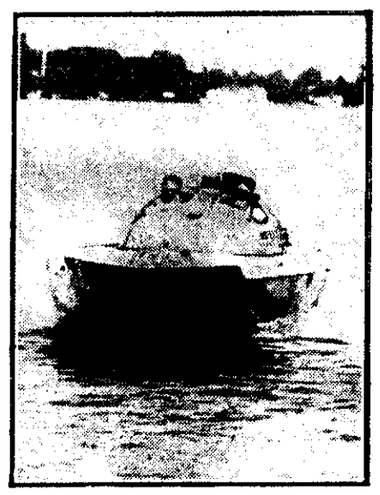
Пожаръ уже потухъ — онъ былъ потушенъ сосѣдями Нозьеръ. Г-жа Нозьеръ лежала неподвижно на постели.

У нея былъ такой видъ, заявилъ Вервэнъ, что я подумалъ — она мертва. Вмѣстѣ со своими товарищами мы уложили ее на матрацъ и оказали первую помощь. Тѣмъ временемъ прибыли пожарные. При помощи спеціальнаго аппарата мы дали ей вдохнуть кислорода и послѣ двухчасовыхъ усилій намъ съ величайшимъ трудомъ удалось вернуть ее къ жизни. Не окажи мы тотчасъ же помощи г-жѣ Нозьеръ — она несомнѣнно бы не выжила. Самъ Нозьеръ не былъ въ такомъ тяжеломъ состояніи, какъ его жена. Что же касается до ихъ дочери, то она не чувствовала никакого недомоганія. Я обратилъ вниманіе, что она все время находилась въ коридорѣ, не проявляя никакого безпокойства относительно судьбы своихъ родителей.

Странное письмо

Стало извѣстно, что отецъ покойнаго Нозьера, проживающій въ деревнѣ Прадъ, получилъ 7 августа отъ своего сына письмо, которое заканчивалось слѣдующими словами: "... прощай на всю жизнь, ты меня никогда больше не увидишь въ Прадѣ".

Какъ объяснить эти слова? Въ настоящее время производится провѣрка подлинности письма. Можно предположить, что ея подлиннымъ авторомъ является Віолетта, желавшая тѣмъ самымъ заручиться лишнимъ алибі.



«Миссъ Британія III» — самая маленькая моторная лодка, которая приметъ участіе въ международныхъ состязаніяхъ на скорость въ Мичиганѣ, вблизи Детройта.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

Рѣка

РАЗСКАЗЪ

Рано утромъ на байдаркѣ и на веслѣ играетъ отъ воды прохладный солнечный свѣтъ.

Рѣка еще дремлетъ, съ тѣневого берега вѣетъ свѣжестью и темная вода курится тамъ косымъ паромъ, уже исчезающимъ.

Байдарка идетъ, какъ тихое привидѣніе. Чуть всплескиваетъ весло. На высокихъ береговыхъ камышахъ, на моихъ рукахъ, на лицѣ, ходитъ прохладное солнце медленными разводами.

Горная рѣка то въ заводяхъ, то въ отмеляхъ. На отмеляхъ, въ чистой водѣ, видны кругловатые каменки, гальки, надъ ними мелькаютъ быстрыя стрѣлки, стайки рыбешки.

Рано утромъ, когда я одинъ на рѣкѣ, я люблю смотрѣть, наклонясь съ байдарки, полъ воду, какъ тамъ мелькаютъ серебристыя стайки мальковъ. По дну тихо проходятъ тѣни и свѣтъ.

На широкой водѣ, въ заводяхъ, байдарка слегка сотрясается. Эта узкая лодка кажется тогда необыкновенно красивымъ чуткимъ звѣремъ. Байдарку точно радуетъ утро и рѣка.

Надъ заводями свисаютъ ивы, онѣ волочатъ въ водѣ темныя вѣтви. Подъ сводомъ листвы источенной кое гдѣ ржавчиной, прохладная тѣнь. Въ тѣни покачиваются на водѣ сухіе листки, соръ, и подернута пылью черная вода. Изъ воды торчатъ корятн, сѣрыя сучья подводныхъ деревьевъ. Онѣ застреваютъ здѣсь весной, когда потоки выламываютъ ихъ гдѣ то въ Альпахъ, за Грассомъ, и пригоняютъ въ Сіяну.

Въ этой горной рѣкѣ есть подводные обрывы, есть ущелья, кажется, безъ дна. Въ темноту водъ иногда страшно смотрѣть. Тамъ смутно видны подводные лѣса, застрявшія деревья, сцѣпившіяся вѣтвями, повисшія подъ водой и обросшія мхомъ и косматыми гривами тины, которая колышется елва. Крупныя тупоносыя рыбины проплываютъ страшными тѣнями въ подводной чащѣ.

***

И снова открывается рѣчная даль. Блещетъ, и дрожитъ, какъ бы полощется, прозрачный солнечный воздухъ. Вспыхиваетъ мокрое весло.

Сухой листокъ несетъ по теченію мимо байдарки. На самомъ кончикѣ листка играетъ синимъ огонькомъ дрожащая стрекоза.

Играетъ рыба вдали, вѣроятно, кефаль, которая заходитъ сюда съ моря, мгновенно высверкивая, выкидывается изъ воды.

Утренній вѣтеръ прошелъ по камышамъ, пошевелилъ ихъ зеленыя стѣны, заторможились на нихъ солнечные разводы, и высокіе камыши начали съ шумомъ кланяться моей байдаркѣ. Я задѣлъ ихъ бортомъ, камыши зашипѣли, стали потрескивать. Тяжело поднялась птица. Я спугнулъ цаплю. Она поселилась на рѣкѣ, и я пугаю ее каждое утро.

Цапля полетѣла предо мною, надъ самой серединой рѣки, какъ то глупо вытянувши въ воздухѣ ноги, по-камариному, и глупо взмахивая крутыми крыльями. Исчезла.

За поворотомъ, на каменистомъ берегу въ сухой травѣ я снова спугнулъ эту глупую птицу. Скоро тутъ начнутся охоты и цаплю убьютъ.

***

А вотъ широкая заводь, всегда свѣтлая. Надъ нею много неба, воздушный просторъ. Я назвалъ ее Птичьей. Тамъ всегда купаются птицы, ласточки и, кажется, воробьи. Я подымаю весло. Байдарка сначала идетъ, потомъ замираетъ.

Въ безшумномъ метаніи птицъ надъ рѣкой, я замѣчаю какой то легкій рисунокъ, воздушный узоръ. Надъ водой идетъ удивительная воздушная игра, птичьи состязанія, и кончаются онѣ, по моему, тѣмъ, что одинъ изъ игроковъ обязательно долженъ зачерпнуть воду кончикомъ крыла. Тогда вся птичья ватага съ веселыми криками, щебетомъ, уноситъ побѣдителя-смѣльчака, чтобы черезъ мгновеніе принестись снова къ водѣ.

Птичьи игры, и весь этотъ утренній міръ на рѣкѣ, который проходитъ мимо меня, какъ и я мимо него, тѣни рыбъ и синяя стрекоза, уносимая на листкѣ по теченію, и полоска серебра на водѣ, зачерпнутой птичьимъ крыломъ, весь міръ, текущій мимо, кажется здѣсь такимъ безплотно-радостнымъ и незнающимъ страданія, что и я съ моей байдаркой кажусь себѣ въ этомъ прозрачно-свѣтломъ мірѣ безплотнымъ видѣніемъ.

***

А въ морѣ, когда очень чиста и тиха вода, я люблю нырять съ открытыми глазами. Идешь подъ водой въ легко колеблемомъ необычайномъ свѣтѣ, зеленоватомъ, а вода надъ головой, какъ прозрачный, сіяющій потолокъ и весь міръ за потолкомъ кажется смуткой тѣнью.

На пляжѣ, конечно, русскіе. Солнцевы и Белесовы внуки любятъ жариться на солнцѣ съ утра. Я разсказываю о Ля Напулѣ, подъ Каннами, гдѣ русскихъ лѣтомъ такъ много, что французская рѣчь и та начинаетъ походить на русскую, только невнятную.

Всѣ иностранцы на пляжѣ очень бѣлы, тощи и злы. Всѣ они боятся воды и солнца. Ихъ дѣти не умѣютъ плавать и визжатъ, ихъ женщины приходятъ на пляжъ въ городскихъ башмакахъ на высокихъ каблукахъ и ногти у женщинъ, на рукахъ и на ногахъ, накрашены краснымъ. Отъ ихъ женщинъ и сквозь морской воздухъ, когда проходятъ онѣ мимо, тянетъ струей духовъ, смѣшанныхъ съ запахомъ тѣла и этотъ запахъ отеля и бѣлья кажется на пляжѣ неряшливымъ, затхлымъ и оскорбительнымъ.

***

Моими сосѣдями по пляжу были англичане, большая семья.

Тамъ были и старухи и дѣти, пожилые и подростки, всѣ съ бѣлоснѣжными полотенцами, съ грудой мохнатыхъ халатовъ, многіе отъ солнца въ черныхъ очкахъ.

Голые англичане показались мнѣ похожими на нелѣпыхъ клоуновъ. Вѣроятно, и я, голый, казался имъ нелѣпымъ и смѣшнымъ.

А входили мы въ море тѣми же осторожными человѣческими движеніями, одинаково пробуя воду, и одинаково быстро исчезалъ на влажномъ пескѣ слѣдъ нашихъ босыхъ ногъ.

***

Любопытно, что мѣстные люди, напульскіе жители, не то рабочіе, не то рыбаки, всѣ блѣдные и не очень чистые, купаются только къ самому вечеру, уже на закатѣ, и всегда съ камней.

На закатѣ, у напульскаго моста, я всегда видѣлъ въ морѣ здѣшняго старика. Онъ стоялъ въ водѣ по поясъ. У него была совершенно коричневая голова и коричневыя руки по локти, а самъ онъ былъ жилистъ и бѣлъ. Онъ обливалъ водой подмышки и это простое и древнее движеніе его вечерняго омовенія почему то напоминало мнѣ купаніе птицъ на рѣкѣ.

***

Второй годъ я провожу августъ въ Ля Напулѣ. Я уже знаю, какъ протяжно стонутъ ворота того дома, гдѣ я останавливаюсь, какъ тамъ, въ самый солнцепекъ, гогочутъ гуси, какъ задыхающійся мистраль печально раздуваетъ и лохматитъ ихъ ослѣпительныя перья. Подъ камнемъ, у дороги, какъ и въ прошломъ году, похожа изсохшая трава на курчавый и желтоватый французскій салатъ.

Какъ и въ прошломъ году, за рѣкой, въ сосновой рощѣ, труба съ утра играетъ сигналы.

Тамъ лагерь русскихъ мальчиковъ, витязей.

У витязей есть молодой батюшка, отецъ Викторъ Юрьевъ, лысый, съ зелеными радостными глазами, поджарый и легкій, съ узкимъ птичьимъ тѣломъ. Необычайна теперешняя судьба русскихъ: на гражданской войнѣ былъ отецъ Викторъ командиромъ бронепоѣзда «Впередъ, за Родину».

Въ лагерной рощѣ, гдѣ сѣется солнце и пахнетъ гарью сухая хвоя, стоитъ большой зеленый шатеръ, церковь витязей. Въ алтарѣ, на холщевой стѣнѣ, отъ солнца зеленоватый нѣжный свѣтъ.

***

Я помню у витязей водосвятія.

Не знаю, было ли гдѣ нибудь на свѣтѣ въ тотъ день такое же русское водосвятіе.

Отъ церковнаго шатра босоногіе загорѣлые витязи во всѣ свои четырнадцать лѣтъ, въ синихъ рубашкахъ, тронулись къ рѣкѣ крестнымъ холомъ, съ синими хоругвями.

Деревянный крестъ отца Виктора тоже былъ увитъ синими цвѣтками, мнѣ показалось, васильками.

— Есть же во Іерусалимѣ на Овчей Купели пять притворовъ юже глаголе по еврейски Вифезда. Въ тѣхъ слежаще болящіе, слѣпые, хромые, сухіе, чающіе движенія водъ....

Отецъ Викторъ читаетъ съ обрывистаго берега рѣкѣ и намъ Евангеліе. Слушаютъ босоногіе русскіе витязи, держащіе синія хоругви. Такъ же было въ древнемъ Псковѣ и древнемъ Кіевѣ; дневная тишина, запахъ хвои и свѣжей воды, и простыя слова о томъ, какъ Ангелъ Божій сходилъ къ Овчей Купели.

Отецъ Викторъ пучкомъ синихъ цвѣтковъ кропитъ чужую рѣку, благословляетъ ея воды деревяннымъ русскимъ крестомъ:

— О, еже освѣтитися воламъ симъ силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Святаго Духа...

Запѣли «Спаси Господи». Изъ-подъ ногъ отца Виктора, съ мостковъ, прыгаютъ въ воду мальчишки, высверкивая смуглыми спинами, вотъ кинулись съ шумомъ и плескомъ вплавь въ освященную рѣку.

***

Въ рощѣ, подъ пиніями, сидитъ профессоръ Карташевъ, Антонъ Владимировичъ.

Онъ въ холщевыхъ бѣлыхъ штанахъ и сидитъ на хвоѣ, поджавши ноги по турецки. Бесѣдуетъ подъ пиніями, какъ мудрецъ въ Элладѣ.

Его широкая спина и смуглыя руки, мягкія и вмѣстѣ упорныя, и затылокъ его, все такое русское, московитское, у него и лицо московита, немного монгольское, какъ бы сонное, остроносое, въ налетѣ византійской смуглоты.

Я нечаянно встрѣтилъ профессора въ Ля Напулѣ къ вечеру, послѣ горной прогулки.

Уже жилко звенѣли цикады. Къ ночи цикады раззвенятся, какъ ясные колокольчики. По вечернему пахло горной полынью, пряно, пыльно слегка. Сквозь серебристо-сѣрыя мимозы, очень нѣжныя, свѣтилось вечернее небо. Близкія предгорья стояли тѣнями, а дальнія горы замерли за ними въ воздушномъ просторѣ совершенно прозрачными, воздушно-безплотными, гармоническими видѣніями. Я помню, въ тотъ вечеръ меня удивило, какъ московитское или византійское лицо Карташева, съ сѣрыми огнями въ глазахъ сочетается съ прозрачнымъ воздухомъ этого дальняго юга и воздушными видѣніями предгорій, звономъ цикадъ и классическими пиніями.

***

Въ Ля Напулѣ я встрѣтилъ и русскаго напульца, Павла Павловича Гудиму-Левковича. Онъ здѣсь живетъ постоянно. Генералъ, адъютантъ Великаго Князя Николая Николаевича. Удивительный человѣкъ. Съ него можно бы писать русскаго Донъ-Кихота.

Въ его домѣ, который еще въ прошломъ году примѣтился мнѣ своимъ престарѣлымъ благородствомъ, высыхающими пальмами и розоватой аркадой, комнаты Павла Павловича, что окнами на море, заставлены, вѣрнѣе, загромождены старинными ширмами, рабочими столами, креслами краснаго дерева, шифоньерами, старыми книгами, выцвѣтшими даггеротипами, ружьями, касками, помятыми мѣдными кирасами. Все это похоже на чуланъ старьевщика, или оружейника. Въ такомъ же старомъ хламѣ, чудеснѣе котораго ничего нѣтъ на свѣтѣ, жилъ, мнѣ кажется, и гидальго Ламанчскій.

Русская гренадерка Павловыхъ временъ, пробитая пулей подъ Цюрихомъ, царь Петръ съ тростью и въ треуголкѣ на рабочемъ столѣ и всюду на столахъ, за стекломъ, оловянные солдатики, оловянные полки.

Павелъ Павловичъ выписываетъ ихъ изъ Англіи, нераскрашенными. Уже не первый годъ этотъ необыкновенный художникъ русской арміи раскрашиваетъ съ тончайшей тщательностью крошечныхъ англичанъ, превращая ихъ въ русскихъ солдатъ. Ни одна пуговка и кантъ не забыты. Онъ передѣлываетъ ихъ, подтачиваетъ, мѣняетъ имъ движенія, самыя лица, онъ умудряется прикрѣплять къ каскамъ крошечныхъ англичанъ кирасиръ крошечныхъ двуглавыхъ орловъ, съ приспущенными крыльями.

На столахъ Павла Павловича уже выстроились русскіе гвардейскіе полки, уже идетъ подъ флажками русская конница, движется артиллерія, и всѣ его полки въ легкихъ султанахъ и капи временъ императора Александра Второго.

Долговязый и сѣдой, веселый и задорный гидальго напульскій, живетъ своей воображаемой арміей, а глаза у Павла Павловича совершенно Донъ-Кихотовы, прищуренные, синіе и наивные.

***

Въ очень солнечный и очень горячій день встрѣтилъ я еще на пляжѣ Бунина. Какой кругловатый, глухой и пріятный, пусть и немного протяжный, звонъ есть во всѣхъ русскихъ именахъ: Иванъ Алексѣевичъ, Антонъ Владимировичъ, или вотъ Павелъ Павловичъ.

Бунинъ шелъ по набережной, по-верху, а я былъ у берега, на пескѣ.

Онъ шелъ легкой походкой, будто слегка припрыгивая. Вокругъ него, какъ вокругъ всѣхъ, кто проходилъ по набережной, вспыхивалъ голубой солнечный воздухъ.

Бунинъ былъ въ шелковой, слегка поношенной, нижамѣ вишневаго цвѣта и въ желтоватой, тоже шелковой, рубахѣ. Воротъ на груди былъ откинутъ и высоко поднятъ одинъ рукавъ на очень бѣлой рукѣ. Шелкъ завивался у его ногъ.

Потомъ онъ сидѣлъ со мной на берегу. У Бунина слегка запавшій ротъ, лицо пожилого барина, слегка обданное загаромъ, голосъ его слегка сиповатъ и есть въ его голосѣ увѣренный и умный звукъ. Бунинъ не высокъ, и у него точно бы выцвѣтшіе голубые глаза, въ которыхъ ходитъ свѣтлая усмѣшка.

Потомъ мы попрощались, я остался на пескѣ, а онъ снова пошелъ по набережной, по-верху, очерченный тамъ, какъ и всѣ, свѣтящимся воздухомъ. Легко завивался его желтоватый и вишневый шелкъ, и, мнѣ казалось, журчалъ.

***

Все мимолетное, мимошедшее, милые оловянные солдатики Гудимы-Левковича или тотъ рыжеватый котенокъ, съ бѣлой вспыхивающей шерстью на брюшкѣ, который заискивалъ, играя, когти въ мой плетеный стулъ, или сіяющіе мѣдью яхты, игрушечные фрегаты богатыхъ людей въ игрушечномъ каннскомъ порту, гдѣ настоящими, не народными, кажутся одни расшатанные моремъ рыбачьи баркасы, отдающіе рыбной тонью, или запахъ горной мяты, растертой на ладони, тѣни рыбъ, полоска отъ крыла на водѣ, воздушныя видѣнія горъ, сосѣди-англичане, похожіе на клоуновъ, всѣ люди и вещи, протекли мимо меня, такъ же, какъ и я мимо нихъ, точно прозрачныя видѣнія.

Собственно, не только въ августѣ, а всегда жизнь только движеніе прозрачныхъ образовъ, видѣній, смѣшныхъ и нелѣпыхъ, сіяющихъ и трогательныхъ, отвратительныхъ и прекрасныхъ, исчезающихъ такъ же, какъ та дрожащая синяя стрекоза, уносимая мимо байдарки, на дубовомъ листкѣ, по рѣкѣ...

***

Вечеромъ замираетъ рѣка въ чистой свѣжести, точно хочетъ, чтобы не уходило никогда мгновеніе свѣтящейся тишины.

По стѣнѣ камышей, по моимъ рукамъ и веслу, какъ и утромъ, ходятъ солнечные разводы, но вѣянія ихъ тише, плавнѣе и шире. Онѣ какъ бы устали.

Птицы играютъ вдали. Полоска воды подъ крыломъ теперь желтовата. На отмеляхъ вода еще пронизана вечернимъ свѣтомъ и каждый камень, каждая галька подъ водой обведены тамъ свѣтящейся каймой.

Замерли ивы въ отдохновеніи, подъ ивами на заводяхъ уже прохладна ночная тѣнь, тамъ потемнѣла вода и уже возникаетъ, косо крадется надъ водою туманъ. Отъ глубокаго удара весла моя байдарка сотрясается, какъ живая. Журчитъ у носа вода.

Иванъ Лукашъ.